

Смерть графа Сергея Юльевича Витте: отклики и суждения в российской прессе

Элла Сагинадзе

Утром 1 марта 1915 г. российское общество взбудоражило неожиданное известие, на время отвлечшее всеобщее внимание от сводок с фронтов Первой мировой войны: в Петрограде скоропостижно скончался граф Сергей Юльевич Витте. Несмотря на то, что к тому времени он уже почти 10 лет не занимал важных государственных постов, его имя в течение нескольких дней не сходило со страниц как столичных, так и провинциальных газет, а некоторые петроградские издания выходили с большими цензурными лакунами в статьях, посвящённых его памяти. Авторами статей о Витте были не только популярные публицисты и редакторы газет: многие крупные общественные деятели и известные политики выступали с письмами и воспоминаниями о нём. Исключительный масштаб, а также противоречивость личности Витте и его деятельности способствовали тому, что реформатор всегда привлекал к себе пристальное внимание современников. Олицетворяя совершенно новый тип государственного деятеля, чуждого бюрократическому формализму и открытого общественному мнению, он активно пропагандировал свои взгляды в печати, выступал инициатором заказных статей. После выхода в отставку в 1906 г. Витте, в силу различных причин, стал объектом критики для всех политических сил. При этом в Департаменте полиции не раз фиксировали слухи о новом возвышении опального сановника, то и дело широко обсуждавшиеся в либеральных и деловых кругах. Как отмечалось в 1912 г. в одном перлюстрированном письме, хотя Витте давно уже в стороне от «большой политики», «имя его примешивают всюду»¹. В 1909 г., пытаясь «свалить Столыпина», ставку на него делали правые Государственного совета (причём интрига не достигла своей цели именно из-за дурной репутации графа)². В 1911 г. в столице усиленно говорили, что Сергей Юльевич готовится стать председателем Финансового комитета, и этот пост «приобретёт выдающееся значение», поскольку будет «в руках такого человека, как Витте»³.

Как же откликнулась российская пресса на смерть Витте? Чем были обусловлены звучавшие в ней оценки почившего министра и насколько в данном случае различались суждения представителей разных идейных течений? Воп-

© 2013 г. Э.О. Сагинадзе

Статья написана при поддержке Германского исторического института в Москве и благотворительного фонда «Ступени».

¹ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 565, л. 987.

² Суть проблемы чиновник Департамента выразил тогда в ёмкой фразе: «Говорят, что у враждебной премьеру партии нет флага. Витте же далеко не знамя» (ГА РФ, ф. 102, ОО, 1909 г., д. 69, л. 154).

³ Там же, 1911 г., д. 165, л. 33.

росы эти ещё не привлекали внимания исследователей⁴. Особый интерес представляют при этом, конечно, не столько «массовые» газеты, рассчитанные на широкие слои общества, сколько «качественные», «солидные» издания, обращавшиеся, как правило, к образованным и подготовленным читателям. В основном они придерживались либеральных и консервативно-монархических позиций (с началом войны ряд левых органов печати был закрыт, в Петрограде из них уцелела лишь газета «День»)⁵.

Витте скончался на 66-м году жизни в своём особняке на Каменноостровском проспекте утром 28 февраля 1915 г. Причиной смерти консилиум из лучших столичных врачей признал воспаление среднего уха, которое быстро перешло на мозговую оболочку и вызвало менингит⁶. В 3 часа 15 минут врачи констатировали смерть. На панихиду по усопшему к двум часам дня в его дом начали съезжаться высокопоставленные сановники – председатель Совета министров И.Л. Горемыкин с супругой, министр финансов П.Л. Барк, главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин, министр торговли и промышленности кн. В.Н. Шаховской, управляющий Государственным банком И.П. Шипов и многие другие⁷. Графиню Витте посетили члены Совета министров (в полном составе) и Государственного совета⁸. Вдова сановника получила телеграммы с соболезнованиями от членов Императорской фамилии, от всех находившихся в Петрограде представителей дипломатического корпуса и многих государственных деятелей Западной Европы, а также от частных лиц⁹. По сведениям «Биржевых ведомостей», на имя графини пришло более полутора тысяч телеграмм¹⁰.

1 марта Совет министров по инициативе Кривошеина принял решение «ввиду выдающихся заслуг покойного» похоронить Витте за счёт государства. В тот же день в Императорском русском техническом обществе состоялось специальное заседание, посвящённое памяти Сергея Юльевича. На нём выступили с речами один из лидеров Совета съездов представителей промышленности и торговли В.В. Жуковский, бывший товарищ министра финансов В.И. Ковалевский и др.

На похоронах Витте 2 марта присутствовали все члены Совета министров и Государственного совета, находившиеся в Петрограде, и весь дипломатический корпус¹¹. Писатель М.А. Алданов (Ландау), также оказавшийся там, писал позднее: «Здесь собрались все видные сановники старой России, может быть, последний раз в её истории»¹². За гробом в числе провожающих шли состоявший при императрице Марии Фёдоровне обер-гофмейстер кн. Шерва-

⁴ Хотя из исторических трудов, посвящённых Витте, можно составить целую библиотеку, следует с сожалением отметить, что его жизнь после 1906 г. не часто привлекала внимание исследователей. Исключение составляет, пожалуй, только обстоятельная книга Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина «С.Ю. Витте и его время» (СПб., 1999). Однако реакция общества на смерть Витте в ней не освещалась.

⁵ Данное деление периодики достаточно условно, но широко используется в литературе. См.: *Сонина Е.С.* Петербургская универсальная газета конца XIX века. СПб., 2004. С. 48–51.

⁶ Русские ведомости. 1915. 1 марта.

⁷ Последний год жизни Сергея Юльевича Витте // Исторический архив. 2004. № 5. С. 56.

⁸ У гроба С.Ю. Витте // Русское слово. 1915. 1 марта.

⁹ День. 1915. 2 марта.

¹⁰ У гроба С.Ю. Витте // Биржевые ведомости. 1915. 2 марта.

¹¹ У гроба С.Ю. Витте // Русское слово. 1915. 1 марта.

¹² *Aldanov M.* Count Witte // *Russian Review*. Vol. 1. N 1 (Nov., 1941). P. 59.

шидзе, чины министерств финансов и путей сообщения и отдельного корпуса пограничной стражи¹³. Всего, по свидетельству очевидцев, проводить Витте в последний путь собралось несколько тысяч человек¹⁴. Траурных венков было столько, что они едва поместились на трёх колесницах. Среди них были венки от Совета министров и его канцелярии, от председателя Государственного совета, Министерства путей сообщения, Императорского технического общества, Московского общества распространения коммерческого образования, правления Китайско-восточной железной дороги (КВЖД), Политехнического института и т.д. Особенно выделялся роскошный серебряный венок от Министерства финансов (стоивший 700 руб.)¹⁵.

Тем не менее некоторые издания оценивали похороны как скромные. Как писало «Русское слово»: «Согласно воле усопшего, вся церемония погребения должна происходить весьма скромно»¹⁶. «Все обращают внимание на колесницу, убранство коней и факельщиков, – отмечалось в газете “День”. – Всё это более чем скромное. Оказалось, что похороны заказаны по “третьему разряду”»¹⁷. То же утверждал на страницах «Исторического вестника» и известный журналист А.Е. Кауфман, всегда относившийся к Витте с симпатией¹⁸. Опровергая сплетни о якобы хранящихся в немецких банках миллионах опального министра¹⁹, он подчёркивал, что «хоронили “миллионера Витте” по третьему разряду»²⁰. Графиня Витте болезненно реагировала на такие публикации. «В одной газете, – вспоминал Кауфман в 1919 г., – было заявлено, что знаменитого государственного мужа... хоронили по III разряду. Вдова его в беседе с редактором “Исторического вестника” Б.Б. Глинским с чувством обиды заявила: “Я пока ещё не нищенка и слишком чту память мужа, чтобы могла допустить погребение его на дрогах по III разряду”»²¹.

Погребли Витте, согласно его последнему желанию, на Лазаревском кладбище в Александро-Невской лавре – в самом почётном из столичных захоронений. «Могила, – передавала “Киевская мысль”, – находится у самых ворот Лавры. Место это, по-видимому, давно приобретённое, обнесено железной решёткой с мраморным бордюром и колонками. Напротив, через проезжую дорогу, виден бюст на могиле Достоевского, памятник Жуковского и барельеф Глинки»²². По сообщению «Русского слова», речей на могиле произнесено не было²³. В «Правительственном вестнике» лишь 3 марта, с опозданием, был на-

¹³ Панихиды и похороны графа С.Ю. Витте // Правительственный вестник. 1915. 2 марта.

¹⁴ Погребение графа С.Ю. Витте // Петроградские ведомости. 1915. 3 марта.

¹⁵ Там же; Похороны графа С.Ю. Витте // Новое время. 1915. 3 марта; РГИА, ф. 560, оп. 26, д. 1252, л. 334.

¹⁶ Похороны графа С.Ю. Витте // Новое время. 1915. 3 марта.

¹⁷ Похороны графа С.Ю. Витте // День. 1915. 3 марта.

¹⁸ Кауфман А.Е. Черты из жизни графа С.Ю. Витте // Исторический вестник. 1915. № 4. Т. 140. С. 231.

¹⁹ Об этом, в частности, сообщал позднее «Одесский листок»: «После С.Ю. Витте... осталось 16 миллионов, из них 10 хранились в германских банках и конфискованы» (Наследство // Одесский листок. 1915. 5 марта). У Витте и вправду имелся вклад в немецком банке, но его размер был заметно меньше, нежели считала молва.

²⁰ Кауфман А.Е. Указ. соч. С. 231.

²¹ РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 23, л. 21. Существовало 5 разрядов похорон: каждый из них определялся богатством убранства погребальных дрог, а также количеством коней и факельщиков. См., например: Засосов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Записки очевидцев. Л., 1991. С. 32.

²² Похороны С.Ю. Витте. (От наш[его] корреспонд[ента]) // Киевская мысль. 1915. 4 марта.

²³ Похороны // Русское слово. 1915. 3 марта.

печатан небольшой некролог. В нём признавалось, что «многолетняя государственная деятельность Витте, в которой он проявил выдающиеся дарования, недюжинные административные способности и редкую энергию, оставила глубокий след во многих областях государственной жизни», а сам Сергей Юльевич назывался «замечательным русским государственным деятелем»²⁴. Любопытно, однако, что после кончины 12 сентября 1915 г. П.Н. Дурново, «Правительственный вестник» в тот же день опубликовал подробный некролог²⁵. Кстати, особы Императорской фамилии лично посещали родных и близких Дурново, выражая им соболезнования, в то время как после смерти Витте они ограничились телеграммами²⁶.

Весьма выразительной была и реакция Николая II. Если верить французскому послу М. Палеологу, в беседе с ним обычно сдержанный император был очень откровенен, «с блеском иронической радости в глазах» назвав смерть опального министра «глубоким облегчением» для себя, в котором он увидел «знак Божий». «По этим словам, – резюмировал Палеолог, – я могу судить, насколько Витте его беспокоил»²⁷. Жене царь признавался, что от новости о смерти графа в его сердце «царит истинно пасхальный мир»²⁸. Впрочем, в периодических изданиях ни разу не упоминалось о том, выразил ли монарх официальные соболезнования семье покойного. Позднее близкий к Сергею Юльевичу журналист Л.М. Клячко вспоминал, что «даже после смерти Витте Николай II остался верен своей ненависти и своей мелочной мстительности: он не послал вдове сочувственной телеграммы»²⁹. «В пути узнали про смерть графа Витте, – вспоминал жандармский генерал А.И. Спиридович, сопровождавший царя, направлявшегося тогда в Ставку. – Некоторые облегчённо вздохнули. Некоторые радовались. Граф был не в милости... Его боялись и ненавидели и справа, и слева. Ругали и там, и здесь. Во время войны он шёл вразрез с общественным мнением, что ещё больше вооружало против него Государя... Государь встретил известие о смерти почти равнодушно. Так странно ушёл из жизни этот большой человек, самый крупный государственный деятель последнего царствования»³⁰. «Вы удивляетесь тому, что Витте так странно сошёл со сцены, – писал 9 марта 1915 г. Д.А. Хомякову К. Пасхалов, известный своими правыми взглядами. – А мне ясно: его боялись. И рады, что избавились»³¹.

Характерно, что снятый известным оператором А. Дранковым документальный фильм «Похороны графа С.Ю. Витте» был запрещён к показу цензурой. В марте 1915 г. дирекция Суворинского театра решила вновь поставить нашу шумевшую некогда пьесу «Большой человек», написанную в 1908 г. журналистом И.И. Колышко³². В главном герое спектакля – «большом человеке» – публика без труда узнавала графа. Начиная с 5 марта «Новое время», принадлежавшее,

²⁴ Граф С.Ю. Витте (некролог) // Правительственный вестник. 1915. 3 марта.

²⁵ П.Н. Дурново // Правительственный вестник. 1915. 12 сентября.

²⁶ Московские ведомости. 1915. 13 сентября.

²⁷ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 170.

²⁸ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 3. М.; Пг., 1923. С. 116.

²⁹ Львов [Клячко Л.М.]. За кулисами старого режима. Л., 1926. С. 152.

³⁰ Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция, 1914–1917 гг. Нью-Йорк, 1960. С. 102.

³¹ ГА РФ, ф. 102, ОО, оп. 265, д. 1017, л. 535.

³² Впервые «Большой человек» был поставлен в ноябре 1908 г. на сцене Суворинского (Малого) театра в Петербурге. Пьеса выдержала более 40 сборов, а также вплоть до конца 1909 г. ставилась на провинциальных сценах.

как и Суворинский театр, «Товариществу А.С. Суворина», анонсировало будущую премьеру, намеченную на 9 марта³³. Однако уже 8 марта газета сообщила читателям, что «по независящим от нас обстоятельствам» пьеса не будет представлена зрителям³⁴. По свидетельству одного из столичных театральных изданий, «постановка была признана не своевременной»³⁵.

Тем не менее в марте 1915 г. имя Витте несколько дней не сходило со страниц столичной и провинциальной печати. Некоторые газеты уже 28 февраля сообщили о его неожиданной кончине, но шквал публикаций пришёлся на 1 марта. В этот день в 17 ежедневных газетах вышло 105 статей или заметок, так или иначе связанных с именем Витте. Спад интереса газетчиков к почившему сановнику проявился только к 8 марта. Интересно, что больше других в эти дни о Витте писали петербургские «Биржевые ведомости» и московское «Русское слово» (28 и 27 публикаций соответственно). В обществе их всегда считали его рупором. В них работали приближённые к нему журналисты, с помощью которых он вёл «газетные войны» со своими оппонентами³⁶. К примеру, из 13 статей о Витте, вышедших в «Биржевых ведомостях» 1 марта, 7 были написаны А.В. Румановым, в своё время тесно связанным с отставным министром³⁷. В провинциальной прессе активнее всего на смерть Витте откликнулись одесские издания (впрочем, значительная часть их статей была перепечатана из столичных газет). Видимо, сказывалось то, что жизнь Сергея Юльевича была тесно связана с Одессой – он получил образование в Новороссийском университете, там жила его сестра Софья, друзья юности.

Многие бывшие сотрудники Витте выступили с воспоминаниями о нём, причём иные – в нескольких газетах сразу. К примеру, известный учёный и политический деятель, видный представитель партии прогрессистов М.М. Ковалевский напечатал схожие статьи в трёх разных изданиях³⁸. По выражению «Московских ведомостей», он превратился «в какое-то газетное бюро»³⁹. «Прискорбно было читать некрологи С. Витте – этого прохвоста-провокаatora, составленные М. Ковалевским, – возмущался публицист правого толка Л. Либерман в письме к редактору “Русских ведомостей” (Ковалевский был там одним из постоянных авторов), – что усугубляется ещё тем, что некрологи были писаны не для одной Вашей газеты, а для “Речи”, “Русского слова” и “Биржевки”, а быть может, и ещё в какие газеты. Для меня, знавшего лично С[ергея] Юл[евича] и не мундирного, а *déshabillé*⁴⁰, прискорбно было читать эти некрологи»⁴¹.

Почти сразу после смерти сановника в одной из провинциальных газет появился сатирический фельетон под названием «Общий единомышленник», довольно точно отражавший смысл некоторых статей о Витте⁴². Как едко иро-

³³ Новое время. 1915. 5 марта.

³⁴ Там же. 8 марта.

³⁵ Хроника // Обозрение театров. 1915. 9 марта.

³⁶ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Витте – мемуарист. СПб., 1994. С. 3–8.

³⁷ В этих статьях А.В. Руманов осветил следующие сюжеты: «Карьера Витте», «Витте и Сольский», «Витте и свобода совести», «Портсмутский договор», «Граф С.Ю. Витте и реформа 17 октября», «К истории отставки», «Болезнь графа С.Ю. Витте».

³⁸ Ковалевский М.М. Граф С.Ю. Витте // Речь. 1915. 1 марта; он же. Граф С.Ю. Витте // Биржевые ведомости. 1915. 1 марта; он же. С.Ю. Витте // Русское слово. 1915. 1 марта.

³⁹ Среди газет // Московские ведомости. 1915. 4 марта.

⁴⁰ *déshabillé* (фр.) – домашнее платье. Имеется в виду – запросто, без церемоний.

⁴¹ РГАЛИ, ф. 1701, оп. 2, д. 817, л. 1.

⁴² РГИА, ф. 1101, оп. 1, д. 1173.

низировал автор, если бы «луну немцы в Гамбурге делали по заказу Витте», то, вероятно, в ряде изданий сообщалось бы о том, что граф остался недоволен лунной, а другие, напротив, убеждали бы своих читателей: «Граф Витте высоко ценил технику немцев и всегда был в восторге от гамбургской луны. Даже из любви к ней сделался “лунатиком”»⁴³. Действительно, в марте 1915 г. в прессе звучали взаимоисключающие оценки личности скончавшегося реформатора.

В «Новом времени», отдавая должное таланту и уму Сергея Юльевича, отмечали, что «он был и до конца остался “большим человеком”», но отказывали ему в «величии». «Смерть... вырвала из живого русского общества очень большого человека...», – писал М.О. Меньшиков в своих «Письмах к ближним». – Хотелось бы сказать: великого, если бы величие выпадало на долю не слишком редких, не слишком избранных “любимцев богов”». Журналист критиковал Витте за то, что тот добровольно ушёл в отставку в 1906 г., не сумев использовать дарованный ему историей шанс и оказавшись «заживо похороненным». Тем не менее Меньшиков признавал, что Витте «при всех слабостях своих и заблуждениях» служил России «с энергией и талантом, какие встречаются не каждый день»⁴⁴.

В праворадикальной печати о нём судили гораздо более строго и однозначно. «Главное несчастье покойного состояло в том, – говорилось в “Московских ведомостях”, – что он вообразил себя великим человеком, когда на самом деле таковым не был». По мнению газеты, Сергей Юльевич был слабо подготовлен к решению стоявших перед ним задач, а «трагедия его деятельности заключалась в том, что его энергия часто выходила за пределы государственной пользы, и ему самому приходилось впоследствии отрицать плодотворность некоторых своих мероприятий». В результате граф умер «бесславным и полузабытым современниками»⁴⁵. В черносотенных изданиях почти не скрывали радости. «Одной опасностью меньше», – полагали в «Земщине». Покойного сановника там считали «вызывающим сильный инстинктивный страх... вполне планомерным служением жидам»⁴⁶. Другой черносотенный листок выражал уверенность, что «вся деятельность Витте покажет полное отсутствие в нём любви к России и непомерную гордость, которая не удерживала его от нанесения сознательного вреда России». При этом он характеризовался как политик «по природе властный, настойчивый, мстительный, и в то же время не гнушающийся никакими средствами для достижения своих целей»⁴⁷. «Одним вредным для России человеком стало меньше», – утверждало «Русское знамя»⁴⁸. На его страницах Витте называли «космополит-масонским бюрократом» и восклицали: «Сохрани, Господь, Россию от бюрократов подобного рода, да ещё если они высокого ранга»⁴⁹. Общая тональность этих суждений не была неожиданной: в правых кругах Витте давно ненавидели за его роль в событиях 1905 г. и считали врагом «национального капитала». Поразительно другое: вплоть до своей смерти госу-

⁴³ Подгорный И. [Ауэрбах Б.] Общий единомышленник // Астраханский листок. 1915. 6 марта.

⁴⁴ Меньшиков М.О. Письма к ближним. Памяти графа С.Ю. Витте // Новое время. 1915. 1 марта.

⁴⁵ Граф С.Ю. Витте // Московские ведомости. 1915. 1 марта.

⁴⁶ Земщина. 1915. 6 марта.

⁴⁷ Не удержавшийся // Гроза. 1915. 15 марта.

⁴⁸ Русское знамя. 1915. 14 марта.

⁴⁹ На злобы дня. Смерть графа Витте // Русское знамя. 1915. 3 марта.

дарственный деятель, уже много лет находившийся в отставке, представлялся им не только «вредным», но и «опасным» для России.

Совсем иначе изображался Витте в либеральных изданиях. И.В. Гессен называл Витте человеком «совершенно исключительным», написав в газете «Речь»: «Граф Витте всё своё огромное значение носил в себе самом. Обстановка ему ничего не давала в течение всей его карьеры. Напротив, он сам смелостью и решительностью действий, грандиозностью своих планов создавал новую обстановку государственной жизни». Только однажды, полагал редактор главного печатного органа кадетской партии, в 1905 г., обстоятельства оказались сильнее Витте: «Для этих исключительных условий граф Витте оказался недостаточно крупным, как, наоборот, был слишком крупным для того, чтобы ориентироваться в господствующих течениях и отдаться сильнейшему»⁵⁰.

В той же газете М.И. Туган-Барановский, критически оценив результаты деятельности бывшего министра финансов, отметил: «Железная воля, ясный ум, способность управлять людьми и поразительная трудоспособность выдвинули бы Витте во всяком обществе и во всякой стране. Тем более бросились в глаза эти качества в России, столь бедной сильными характерами и яркими индивидуальностями... Никто до Витте и после него не умел так блестяще организовать сложное государственное хозяйство в различнейших областях народной жизни»⁵¹. «На всех делах Витте..., – уверял И.М. Бикерман, – лежит печать широкого размаха и отчётливой мысли. Он всегда знал, чего хочет, и ясно видел пути, ведущие к цели»⁵².

О том же писал в «Биржевых ведомостях» и В.И. Ковалевский, долгое время проработавший с Сергеем Юльевичем в Министерстве финансов: «Это не средний статистический человек, не формулярный список с прохождением высоких степеней, не чиновник с большим показателем, поставленным чужой рукой, а выпуклая величина, яркая индивидуальная государственность – во весь рост и в полном значении этого слова»⁵³. «Демократом был он и по привычкам, – вспоминал Ковалевский. – Витте всегда ставил формы на задний план, ища сущности вопроса и стремясь провести эту сущность в жизнь»⁵⁴. Таким образом, в ряде либеральных изданий создавался образ не просто крупной, но *исключительной* для России личности, не укладывавшейся в привычные рамки. Особо указывалось при этом на благосклонное отношение Витте к периодической печати, на его чуждость бюрократической рутине, демократизм и полное отсутствие мелочности и формализма⁵⁵.

По словам П.Б. Струве, «это была сложная и противоречивая фигура; и все различные уклоны, складки и противоречия её были обнажены, и именно в их обнажённости, если угодно, заключалось в значительной мере своеобразие этой исторической фигуры»⁵⁶. В то же время Струве констатировал, что в нравственном отношении «личность Витте... не стояла на уровне его исключительной государственной одарённости»: отличаясь непомерным самолюбием,

⁵⁰ Гессен И.В. Из воспоминаний о графе Витте // Речь. 1915. 1 марта.

⁵¹ Туган-Барановский М.И. С.Ю. Витте как министр финансов // Там же.

⁵² Бикерман И.М. Граф Витте // День. 1915. 1 марта.

⁵³ Ковалевский В.И. Исполни мысли // Биржевые ведомости. 1915. 3 марта.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же; Граф Витте и печать // Биржевые ведомости. 1915. 1 марта; Граф С.Ю. Витте // Петроградский листок. 1915. 1 марта; Граф С.Ю. Витте и бюрократы // Русское слово. 1915. 1 марта.

⁵⁶ Струве П.Б. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики // Русская мысль. 1915. № 3. С. 133.

«он был по своей натуре беспринципен и безыдеен»⁵⁷. Данная репутация закрепи-
лась за Витте у либерально настроенной части российского общества ещё в
1905–1906 гг., когда его обличали в двуличии, лицемерии и отсутствии чёткой
политической позиции⁵⁸. Помнили о ней и после его смерти. 28 февраля 1915 г.
петроградский городской голова гр. И.И. Толстой (бывший министр народного
просвещения в правительстве Витте) записал в дневнике: «В его лице сошла
со сцены одна из самых крупных исторических личностей нашего времени.
Человек он был несомненно талантливый и недюжинного, хотя, мне кажется,
неглубокого ума... Крупнейшими недостатками покойного были сильно разви-
тое самомнение и бешеное честолюбие. Благодаря этим сторонам его личности
он часто фальшивил, подлаживался к течениям и угождал и нашим, и вашим.
Это, в свою очередь, оттолкнуло от него почти всех и не дало заслужить ши-
рокой популярности, которая с 1906 г. прогрессивно падала, достигнув ко дню
его смерти нуля»⁵⁹.

По масштабу личности и государственных дарований Витте чаще все-
го сопоставляли в некрологах с М.М. Сперанским⁶⁰. Так, М.М. Ковалевс-
кий утверждал, что «сравнить его можно разве с такими государственными
людьми прошлого, как Сперанский, Киселёв и ближайшие сподвижники Ца-
ря-Освободителя»⁶¹. А.С. Изгоев готов был поставить Витте даже выше Сперан-
ского: «Сперанский малокровный, сероватый бумажный человек, а Витте – неук-
люжий гигант с бьющей через край силой, с неиссякаемым запасом творчества.
Сперанский писал, Витте творил». По силе творческой энергии Изгоев при-
равнивал Сергея Юльевича только к Петру Великому⁶². Другие авторы видели
в нём «русского Бисмарка»⁶³. При этом в статьях, вышедших в один день в раз-
ных местах, можно обнаружить не просто сходную риторику, но и текстуаль-
ные совпадения. К моменту смерти Витте явно уже сложились определённые
штампы и стереотипы, влиявшие на восприятие и оценку его личности. Репу-
тация его была необычайно прочной.

Говоря о государственной деятельности С.Ю. Витте, авторы некрологов
чаще всего (и, как правило, положительно) вспоминали о введении золотого
стандарта рубля⁶⁴. По мнению «Русских ведомостей», это была «самая выдаю-
щаяся реформа» Витте⁶⁵. «Установление золотой валюты является постоянным
историческим памятником графа Витте, как государственного деятеля», – за-
являл на страницах «Голоса Москвы» управляющий Азовско-Донским банком

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Подробнее см.: *Сагинадзе Э.О.* «Министр-клоун»: С.Ю. Витте в восприятии российской либеральной общественности во время революции 1905–1907 гг. // Реформы и реформаторы в истории России: к 150-летию. Материалы XVI Всероссийской научно-теоретической конферен-
ции. М., 2012. С. 466–478.

⁵⁹ С.Ю. Витте на страницах дневника И.И. Толстого (1906–1915) // Отечественная история. 1992. № 3. С. 128.

⁶⁰ Смерть С.Ю. Витте // Петроградские ведомости. 1915. 1 марта; Ковалевский В.И. Граф С.Ю. Витте // Биржевые ведомости. 1915. 1 марта; Струве П.Б. Указ. соч. С. 132; Изгоев А.С. С.Ю. Витте // Русская мысль. 1915. № 3. С. 154.

⁶¹ Ковалевский М.М. Граф С.Ю. Витте // Биржевые ведомости. 1915. 1 марта.

⁶² Изгоев А.С. Указ. соч. С. 154.

⁶³ Граф С.Ю. Витте // Петроградский листок. 1915. 1 марта; Гарольд [И. Левинский]. Боль-
шой человек // Киевская мысль. 1915. 2 марта.

⁶⁴ В 16 из 19 просмотренных периодических изданий упоминалось о золотом рубле, причём
в 14 его появление приветствовалось.

⁶⁵ Русские ведомости. 1915. 1 марта.

в Москве И.Г. Коган⁶⁶. Лишь в черносотенных изданиях в денежной реформе усматривали зло, поскольку, как писала «Земщина», «золотая валюта поставила Россию в зависимость от иудеев»⁶⁷.

В 10 из 19 просмотренных изданий признавалась выдающаяся роль Витте в железнодорожном строительстве. И хотя в целом заслуги сановника в этом деле не ставились под сомнение, в печати отмечались как его успехи, так и промахи. Так, в «Новом времени» увязывали строительство КВЖД с обострением русско-японских противоречий. «С ним, – писала газета о Витте, – в этом случае повторилось то, что в известной сказке произошло с волшебником, умевшим вызывать беспокойных духов, но не имевшим силы заставить их слушаться»⁶⁸. Тем самым Витте вновь, как и в 1904–1905 гг., объявлялся одним из главных виновников вооружённого столкновения. Схожего мнения придерживались «День» и «Московские ведомости»⁶⁹. «Ненужная агрессивная политика Витте на Дальнем Востоке – одна из причин войны с Японией», – прямо утверждалось в газете В.В. Шульгина⁷⁰.

Неоднозначно оценивалось и введение винной монополии (о ней упоминалось в 12 из 19 печатных изданий, причём в 8 – критически). В большинстве из них признавалось, что на первых порах эта мера была эффективной, но очень скоро привела к негативным последствиям. «Киевлянин» назвал её «неудачной, но крайне характерной для покойного», напоминая, как «её оценил сам творец, закричавший недавно в Государственном совете по поводу результатов монополии своё знаменитое “караул!”»⁷¹. Впрочем, «День», напротив, доказывал, что «самым замечательным примером чуткости покойного является поднятая им в прошлом году кампания против им же созданной винной монополии»⁷². Любопытно, что черносотенная «Гроза», бранившая графа при каждом удобном случае, причисляла монополию к одной из его немногочисленных заслуг. Правда, при этом оговаривалось, что «если кабатчики лишены были возможности спаивать народ взятием виноторговли в руки казны, а ныне казна совсем прекратила народное пьянство, то этого возможно было достигнуть только волею самодержца»⁷³. Несколько реже в печати упоминали налоговую и тарифную реформу (в восьми изданиях), успешное проведение конверсии⁷⁴ (в шести), меры по улучшению фабричного законодательства (в трёх). 7 изданий высоко оценили вклад Витте в развитие технического образования.

⁶⁶ Москвичи о гр. С.Ю. Витте // Голос Москвы. 1915. 1 марта.

⁶⁷ Земщина. 1915. 6 марта. См. также: Смерть графа Витте // Русское знамя. 1915. 3 марта.

⁶⁸ Граф С.Ю. Витте // Новое время. 1915. 1 марта.

⁶⁹ Загорский С. Финансовая политика графа С.Ю. Витте // День. 1915. 1 марта; Граф С.Ю. Витте // Московские ведомости. 1915. 1 марта.

⁷⁰ Граф С.Ю. Витте // Киевлянин. 1915. 1 марта.

⁷¹ Там же. В знаменитой речи по питейному вопросу в Государственном совете в декабре 1913 г. Витте, осуждая политику В.Н. Коковцова, негодовал: «После меня всё пошло прахом... Те самые чиновники, которые при мне слышали только указание бороться с пьянством во что бы то ни стало, стали отличаться за то, что у них растёт потребление, а отчёты самого Министерства гордятся тем, как увеличивается потребление и как растут эти позорные доходы... Я говорю, я кричу об этом направо и налево, но все глухи кругом, и мне остаётся теперь только закричать на всю Россию, и на весь мир “караул!”» (Государственный совет. Стенографические отчёты. Сессия IX. СПб., 1914. Стб. 347).

⁷² Бикерман И.М. Указ. соч.

⁷³ Не удержавшийся.

⁷⁴ Конверсии – изменение условий займа и размеров выплачиваемых по нему процентов.

В ряде некрологов отразилась и та критика экономической политики Витте, которая звучала ещё в бытность его министром финансов (прежде всего — обвинения в форсированном насаждении промышленности и пренебрежении нуждами земледелия, установлении порядков, чуждых российским традициям, и т.д.)⁷⁵. Впрочем, выражалась она теперь более сдержанно и сбалансированно, как в силу особенностей жанра, так и потому, что отрицать несомненные экономические успехи страны, достигнутые в том числе и благодаря реформам, проведённым Витте, стало сложнее. Поэтому всё чаще речь шла о неравномерности и противоречиях российской модернизации⁷⁶. Консервативные издания, не говоря уже о черносотенных листках, негативно оценивали активное привлечение иностранных капиталов. Так, «Московские ведомости» сетовали на то, что приток иностранных инвестиций привёл к «широкому развитию грюндерства и спекуляции», оказавшихся затем одной из причин экономического кризиса⁷⁷. «Земщина» утверждала, что политика Витте привела к «германо-жидовскому засилью»⁷⁸. «Гроза» обличала сановника, который будто бы отдал Россию «на поедание жидовскому кагалу». В подтверждение своих слов авторы листка ссылались на то, что «Витте женился на жидовке»⁷⁹.

По мнению либеральных изданий, развитие капитализма в России шло неравномерно, но многие ошибки Витте оправдывались масштабом стоявших перед ним задач. На страницах газеты «Речь» Туган-Барановский отмечал, что «обнищание русской деревни шло бок о бок с ростом капиталистической промышленности». «Витте, — настаивал экономист, — более, чем кто-либо другой из людей XIX века, содействовал сближению России с Западом, превращению её в государство европейского типа. В этом его непреходящая историческая заслуга»⁸⁰.

В.В. Жуковский, выступая 1 марта на собрании Русского технического общества, назвал Сергея Юльевича «творцом в России государственного капитализма», созидателем и основателем «новой экономической России». «Несомненно, — считал известный предприниматель, — он был человеком даровитым, был артистом по натуре, и он, и его индивидуальность разбивали инерцию застарелого, заскорузлого экономического русского уклада жизни»⁸¹. Особое значение Жуковский придавал тому, что Витте «призывал торгово-промышленный класс ко всякого рода интеллектуальной работе, допускал торгово-промышленные организации, поддерживал их внутреннюю жизнь для выработки классового сознания»⁸². В то же время Туган-Барановский, напротив, полагал, что «поли-

⁷⁵ См., например: Туган-Барановский М.И. Указ. соч.; Не удержавшийся; Загорский С. Указ. соч.; и др.

⁷⁶ Вопрос о характере российского капитализма, социальных и политических последствиях индустриализации, осуществлённой под руководством Витте, до сих пор вызывает разногласия. См., в частности: Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996.

⁷⁷ Граф С.Ю. Витте // Московские ведомости. 1915. 1 марта.

⁷⁸ Земщина. 1915. 6 марта.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Туган-Барановский М.И. Указ. соч.

⁸¹ Стенографическая запись речи В.В. Жуковского на общем собрании членов Русского технического общества 14 марта 1915 г., посвящённом памяти С.Ю. Витте // Сергей Юльевич Витте: Хроника. Документ. Воспоминания. СПб., 1999. С. 221.

⁸² Там же. С. 221–222. Б.В. Ананьич справедливо усматривает в этих словах скрытые политические мотивы. Деловая элита империи уже «готова была взять на себя ответственность за развитие производительных сил России, и была озабочена созданием общества “культурного капитализма”, основанного на союзе интеллекта и капитала» (Ананьич Б.В. Российская бур-

тика Витте была мало подчинена интересам капиталистического класса, как и интересам дворянства или крестьянства»: «Она преследовала другие цели — усиление мощи русской государственности, выразителем которой Витте чувствовал себя»⁸³. Не случайно, как писал И.М. Бикерман, «своими финансовыми и экономическими мероприятиями он больше содействовал упрочению старого строя, чем многие прославленные специалисты по упрочению основ»⁸⁴. В рассчитанном на массового читателя «Астраханском листке» деятельность Витте характеризовалась 1 марта 1915 г. ещё резче: «Богато одарённый природою, ловкий, острый, честолюбивый, покойный государственный деятель выдвинулся в эпоху безвременья, найдя секрет прикрыть язвы государства и народное невежество плащом блестящих финансовых комбинаций. Он умел кидать кому нужно кости в нужный момент для спасения колебавшегося и трещащего по всем швам приказно-патриархального строя, и в этом смысле занимает одно из первых мест в рядах величайших политических “комбинаторов”»⁸⁵.

Политические преобразования, связанные с именем Витте, вызывали столь же острые споры. В 16 из 19 просмотренных изданий отмечалась его роль в подготовке Манифеста 17 октября 1905 г. «17 октября оказалось неразрывно связано с его именем. И за эту золотую дату история, как и современники, простят ему прегрешения вольные и невольные», — заявлял октябристский «Голос Москвы»⁸⁶. Черносотенное «Русское знамя», напротив, осуждало Витте за «космополит-либерализм» и «рабское заимствование» западных конституционных идей, совершенно чуждых историческим традициям России: «Такому сановнику не жаль ни природы неограниченного самодержавия русских царей, ни нашего самобытного строя. Каждый проект его будет отдавать парламентаризмом, и казаться, право, подготовительным шагом к республике»⁸⁷. Вместе с тем убежденные конституционалисты решительно дистанцировались от Витте. Видя в Манифесте 17 октября 1905 г. одну из основных его заслуг, Изгоев тут же напоминал, что «все симпатии Витте лежали на стороне державного абсолютизма»⁸⁸. М.М. Ковалевский утверждал, что Сергей Юльевич никогда не принадлежал к либералам, но «был консерватор в лучшем значении этого слова»⁸⁹. «Какое наивное заблуждение считать его “отцом русской конституции”...», — писал в «Речи» Гессен. — Он хотел ограничиться только своим всеподданнейшим докладом»⁹⁰.

«Нельзя сказать, — указывали “Русские ведомости”, — что вместе с отставкой графа Витте исчезло из нашей политической жизни то начало, которое нашло себе воплощение в его деятельности, начало оппортунистического смешения отживших политических принципов с вновь народившимися основами политической жизни, системой бюрократического управления, облачённого во

жуазия на пути к «культурному капитализму» // Россия и Первая мировая война. (Материалы международного научного colloквиума). СПб., 1999). И.Ф. Гиндин в своё время видел в некрологах проявление классовой чуждости Витте деловой и предпринимательской элите империи (Гиндин И.Ф. Государство и экономика в годы управления С.Ю. Витте // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 93).

⁸³ Сергей Юльевич Витте: Хроника... С. 285.

⁸⁴ Бикерман И.М. Указ. соч.

⁸⁵ РГИА, ф. 1101, оп. 1, д. 1173, л. 87.

⁸⁶ Злобы дня // Голос Москвы. 1915. 1 марта.

⁸⁷ На злобы дня. Смерть графа Витте.

⁸⁸ Изгоев А.С. Указ. соч.

⁸⁹ Ковалевский М.М. С.Ю. Витте // Русское слово. 1915. 1 марта.

⁹⁰ Гессен И.В. Указ. соч.

внешние конституционные формы. Но граф Витте был, несомненно, не только первым, но и весьма крупным и талантливым представителем этого начала, и его неудача служит наилучшим доказательством внешней несостоятельности самой системы»⁹¹. Таким образом, некрологи имели очевидный политический подтекст: критика Витте легко переходила в обличение государственного устройства, созданного при его активном участии, а превозношение сановника, одиозного в правящих кругах и не пользовавшегося доверием императора, становилось способом выражения недоверия действующей власти. По этому поводу обозреватель «Московских ведомостей» писал: «Наши политики не дали спустить в могилу гроб графа С.Ю. Витте и повели его по газетным мытарствам, чтобы на его могиле пропагандировать свои вожеления»⁹².

Двойственность политики Витте в консервативных изданиях зачастую объясняли некомпетентностью, злонамеренностью, слабостью убеждений (или даже беспринципностью) и отсутствием цельности характера⁹³. В либеральной печати чаще всего звучала мысль о том, что он был, прежде всего, человеком своего времени – времени больших перемен в жизни российского общества. Так, Струве и Изгоев полагали, что трудности, стоявшие перед Витте, были непреодолимы в силу объективных исторических условий⁹⁴. «Многое в этой большой драме большого человека объясняется, разумеется, общими условиями русской жизни», – констатировал публицист «Одесских новостей»⁹⁵. «За 10 лет он сумел осуществить столько, что создал целую эпоху в развитии русской жизни, – отмечал редактор «Биржевых ведомостей» С.М. Проппер, долгое время сотрудничавший с Витте. – Но к извилистым путям принуждал его уклад русской государственности. Тут была его трагедия, да и не только его одного»⁹⁶. В обстановке, окружавшей Витте, искал причину его неудач и Колышко. «Если покойного, по его природным силам, можно приравнять к Самсону, – полагал он, – то Далилой его стала дармоедная, сверкающая и пенящаяся российская бюрократия»⁹⁷. Впрочем, «Биржевые ведомости» приводили и иные суждения. Так, по мнению А.Ф. Керенского, «если он не делал того, что нужно было делать, то не потому, что не понимал этого, а потому, что не хотел. Потому что когда он хотел, он всегда находил правильную линию действий»⁹⁸.

Много внимания в прессе уделялось дипломатии Витте. В 10 из 19 изданий писали про Портсмутский мирный договор, причём в 6 из них его заключение

⁹¹ Москва, 1 марта // Русские ведомости. 1915. 1 марта.

⁹² *Обозреватель* [Розенберг И.С.]. Среди газет. С.Ю. Витте в левой печати // Московские ведомости. 1915. 2 марта.

⁹³ Яблоневский А. Политический атеист // Киевская мысль. 1915. 1 марта.

⁹⁴ Струве П.Б. Указ. соч. С. 131; Изгоев А. С. Указ. соч. С. 156.

⁹⁵ Седой. [Соколовский И.Л.] Дневник журналиста. Большой человек // Одесские новости. 1915. 1 марта.

⁹⁶ Проппер С.М. Памяти большого человека // Биржевые ведомости. 1915. 1 марта.

⁹⁷ *VOX* [Колышко И.И.] Самсон и Далила // Биржевые ведомости. 1915. 1 марта. Любопытно, что изначально этот фельетон был написан для газеты «Русское слово» (Колышко сотрудничал в обоих изданиях), но по каким-то причинам не устроил редакцию. Опубликовав его в «Биржевых ведомостях», журналист в тот же день написал редактору «Русского слова» И.Ф. Благову: «Благодарю за срочный возврат статьи “Самсон и Далила”... Чем эта статья не годится? Нецензурна? Или вообще по этому вопросу писать не должен?» (ОР РГБ, ф. 259, к. 15, д. 56, л. 34; выделенные курсивом слова подчеркнуты Колышко). Через несколько дней в «Русском слове» вышла другая статья Колышко, посвящённая Витте (*Баян* [Колышко И.И.] Виртуоз // Русское слово. 1915. 5 марта).

⁹⁸ Отзывы государственных и общественных деятелей и дипломатов // Биржевые ведомости. 1915. 1 марта.

признавалось заслугой сановника. И если Меньшиков расценивал его как невыгодный для России компромисс⁹⁹, а «Русское знамя» уверяло, будто о нём «каждый русский думает с невольным содроганием»¹⁰⁰, то в либеральных газетах отдавали должное дипломатическому искусству, проявленному Витте в 1905 г. «Только малодушные или недобросовестные люди, – настаивали “Биржевые ведомости”, – осуждали безобидный для нас выход из тяжкой японско-корейской авантюры. Портсмут останется лучшим, наиболее почётным и прочным памятником международно-политической деятельности С.Ю. Витте»¹⁰¹. Самой блестящей страницей деятельности сановника называли Портсмут и в «Киевской мысли»¹⁰².

Весной 1915 г., в атмосфере военной истерии, пропитанной шпиономанией, германофобией и антисемитизмом, смерть Витте, которого в обществе считали германофилом, вызвала толки о том, что он принял яд, боясь разоблачения в шпионаже. «Теперь в городе носятся упорные слухи, – сообщала “Земщина”, что он умер не своей смертью, а прибег к отравлению, опасаясь раскрытия новых “подвигов”»¹⁰³. Подобные заявления вряд ли могли удивить читателей черносотенных изданий, в которых с июля 1914 г. по март 1915 г. в словах или действиях Витте искали проявления симпатий к Германии и повод для обвинений в предательстве национальных интересов России¹⁰⁴. О том, что Сергей Юльевич не сочувствовал начавшейся войне, по-видимому, было хорошо известно. В столице ходили упорные слухи, будто он надеялся представлять Россию на будущих мирных переговорах¹⁰⁵. В августе 1914 г. Департамент полиции даже установил за ним наблюдение, желая «выяснить его отношение к текущим военным событиям, равно знакомства»¹⁰⁶. К тому же благосклонное отношение Вильгельма II к бывшему министру финансов не являлось секретом для современников. В письме, отправленном к кн. Жевахову 2 марта 1915 г., киевский публицист правого толка А.В. Стороженко не скрывал своей радости: «Когда я прочёл в газетах о смерти Витте, я облегчённо вздохнул: кайзер Вильгельм лишился своего верного слуги, но зато Россия освободилась от одного из злейших врагов своих... Какое дело Витте, что обеднеет Россия: да обогатится Германия, да процветёт жидовство. Недаром Вильгельм оказывал царские почести Витте. Заслужил, негодяй!»¹⁰⁷.

Имя Сергея Юльевича в обществе связали даже с печально известным делом полковника С.Н. Мясоедова, вызвавшим всплеск шпиономании¹⁰⁸. Так, в

⁹⁹ Меньшиков М.О. Указ. соч.

¹⁰⁰ На злобы дня. Смерть графа Витте.

¹⁰¹ Слонимский Л.З. Граф С.Ю. Витте и внешняя политика // Биржевые ведомости. 1915. 1 марта.

¹⁰² Яблоневский А. Указ. соч.

¹⁰³ Глинка-Янчевский С.К. Никто, как свой // Земщина. 1915. 7 марта.

¹⁰⁴ Кишинев В. Воинственный азарт графа Витте // Русское знамя. 1915. 25 января; Непримиримый [Трутовский В.Е.] Возмутительная речь // Там же. 10 февраля; Лютик. Сеева лошадь // Там же. 12 февраля; он же. Ещё о возмутительной речи // Там же. 26 февраля.

¹⁰⁵ Подробнее см.: Ганелин Р.Ш. Сторонники сепаратного мира с Германией в царской России // Проблемы истории международных отношений. Сборник статей памяти академика Тарле. Л., 1972. С. 130–135.

¹⁰⁶ Перегудова З.И. Последний год жизни Сергея Юльевича Витте // Исторический архив. 2004. № 3. С. 125.

¹⁰⁷ ГА РФ, ф. 102, ОО, оп. 265, д. 1016, л. 476–476 об.

¹⁰⁸ О психологической обстановке в России в связи с «делом Мясоедова» см.: Шацилло К.Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4. С. 103–116; Фуллер У. Внутренний враг. Шпиономания и закат императорской России. М., 2009.

Москве «о мясоедовской истории» говорили, что «это только одно явление в огромной, крепкой сети»¹⁰⁹. К числу «изменников» и «шпионов» молва упорно относила и неожиданно скончавшегося Витте. Слухи о самоубийстве графа неоднократно повторялись в письмах, перлюстрированных тайной полицией. Товарищ председателя Варшавского окружного суда Э.С. Вехтерштейн, сетуя в письме к сенатору Ф.П. Гвайту на шпиономанию, отмечал: «На этом пункте замечается какое-то помешательство. Что здесь только не выдумывается. Последние дни ходит здесь слух, что Витте скончался не от естественной смерти, а от самоубийства, так как против него обнаружены данные, обвиняющие его в шпионаже»¹¹⁰. Их передавали даже те, кто не сомневался в том, что «это, конечно, чистейший вздор»¹¹¹. Об этом говорили не только в Петрограде, но и в Москве, и в Варшаве (именно там был казнён Мясоедов)¹¹². В подобных разговорах о Витте причудливо сочетались такие черты «внутреннего врага» как «германофильство», близость к еврейству¹¹³, «миллионы» в немецких банках¹¹⁴. По словам Тихомирова, толкуя о Витте и его жене, сплетники «объясняют их измену тем, что у них миллионы денег в Германии, и могут быть конфискованы»¹¹⁵.

Характерно, что в немецких изданиях о Витте отзывались весьма сдержанно. «Витте никогда не был другом Германии, – констатировал вскоре после его смерти журнал “Zukunft”. – Никто не возлагал на него в этом смысле надежд, так как он был слишком русским»¹¹⁶. Официозная «Berliner Tageblatt», считавшая покойного графа «единственным сторонником мира в России», писала: «Витте не был другом Германии и хотел использовать её, пока Россия не станет экономически независимой. Поэтому Германии нет оснований скорбеть о смерти Витте. Некоторые хотели бы видеть в нём будущего посредника при заключе-

¹⁰⁹ ГА РФ, ф. 102, ОО, оп. 265, д. 1018, л. 723.

¹¹⁰ Там же, д. 1017, л. 540.

¹¹¹ Там же, д. 1018, л. 691.

¹¹² Там же, л. 646, 691; д. 1017, л. 540. Эти сплетни отражены, в частности, в дневниках В.М. Голицына (28 февраля 1915 г.) и Л.А. Тихомирова (26 марта 1915 г.), а также в воспоминаниях Л.М. Клячко-Львова «Граф Витте». См.: ОР РГБ, ф. 75, кн. 31, л. 315; РГАЛИ, ф. 1208, оп. 3, д. 1, л. 18; Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. М., 2008. С. 50.

¹¹³ То, что Мясоедов был, как и Витте, женат на крещёной еврейке, заметно сближало их в глазах современников. «Что касается Мясоедова, то это нечто небывалое, – указывалось в одном перлюстрированном письме. – Не жид или поляк, а русский офицер, с русской фамилией, за деньги подвёл тысячи своих под расстрел неприятеля. Не было ничего подобного в японскую или другую большие войны, ведённые Россией... В Москве говорят, что Мясоедов был женат на еврейке, что будто бы жена Мясоедова и жена Сухомлинова родные сёстры. Если русский человек отдаётся еврейке, то он сам часто превращается в полужида; пример – граф Витте. А так как в последние десятилетия еврейки пользовались большим успехом в русской интеллигенции, то можно представить себе, какое количество изменников скрываются ещё в нашем отечестве. Они могут сильно тормозить войну» (ГА РФ, ф. 102, ОО, оп. 265, д. 1018, л. 663). От рассуждений о смешанных браках не удержался даже вологодский предводитель дворянства А. Неелов, характеризовавший в частном письме к С.И. Новакову местного губернатора В.А. Лопухина, женатого на сестре И.В. Гессена: «Настоящий губернатор – истинно русский, что и подчёркивает частенько, но женат на еврейке, которая за 20 лет замужества не в состоянии забыть, что она хайка. Ходят слухи, что к её рукам уже прилипли разные пожертвования» (Там же, д. 1002, л. 2183). См. подробнее: Кельнер В.Е. Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны // Вестник Еврейского Университета. 1997. № 1(14). С. 66–93.

¹¹⁴ По мнению У. Фуллера, критическое отношение русского общества к капитализму стало одной из психологических причин шпиономании. См.: Фуллер У. Указ. соч. С. 205–219.

¹¹⁵ Дневник Л.А. Тихомирова... С. 50.

¹¹⁶ Смерть С.Ю. Витте. Отклики за границей // Русское слово. 1915. 3 марта.

нии мира. Такой мир, как Портсмутский, для Германии неприемлем»¹¹⁷. Тем не менее «Königsberger Hartungsche Zeitung» не только рассматривала Витте как «влиятельного сторонника мира» и главного претендента на роль уполномоченного от России на будущих переговорах, но и утверждала, что данная миссия тайно уже была на него возложена¹¹⁸. Неудивительно, что в ряде немецких газет в его смерти увидели важное событие. «В лице Витте, – отмечал 11 марта 1915 г. австрийский официоз “Neue Freie Presse”, – исчез самый энергичный тормоз шовинистской государственной машины, и вследствие этого его смерть имеет международное значение»¹¹⁹.

Конечно, в некрологах всегда есть умолчания, наиболее острые углы в них, как правило, сглаживаются, а неблагоприятные факты ретушируются. Однако Витте и после смерти подвергался ожесточённой критике, причём практически со всех сторон. Даже его бывшие сотрудники в той или иной мере от него дистанцировались. Все сходились лишь в том, что объективная оценка государственной деятельности Витте – дело истории и будущих поколений. «Он был большой горой русской истории: когда стоишь близко у горы, не видишь её вершины, – писали “Петроградские ведомости”. – Витте поймут и оценят, когда годы отделят его от нас. Новый Пимен спокойно взвесит его успехи, порывы, достижения и ошибки»¹²⁰.

Пристальное внимание общественного мнения к смерти реформатора, давно уже находившегося в отставке, свидетельствовало о нарастании в стране политического кризиса. Вспоминая о его жизненном пути, публицисты ставили перед обществом множество важнейших вопросов. Возможно ли примирить приверженность традиционному неограниченному самодержавию с уважением к конституционному порядку? Действительно ли монархия является единственно приемлемой для России формой правления и возможна ли её существенная трансформация в соответствии с вызовами времени? Способен ли народившийся слой капиталистической буржуазии переломить недоверие к себе власти и стать ведущей общественной силой? Есть ли у деловой элиты империи шанс принять более активное участие в решении общегосударственных вопросов? Может ли общество в ситуации политической нестабильности добиться расширения своих прав и свобод? Во многом благодаря своим личным качествам и взглядам (а по мнению других – отсутствию чёткой политической позиции как таковой) С.Ю. Витте стал камнем преткновения как для современников, так и для исследователей, пытающихся выяснить его роль в российской истории.

¹¹⁷ РГИА, ф.1470, оп. 2, д. 96, л. 71.

¹¹⁸ Там же, оп. 1, д. 342, л. 25.

¹¹⁹ Там же, л. 32.

¹²⁰ Смерть С.Ю. Витте // Петроградские ведомости. 1915. 1 марта.